

УДК 323. 2

Матюхин А.В.

*Московский государственный областной университет;
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»*

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ РАДИКАЛЬНОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ¹

Аннотация. В статье анализируются социально-политические изменения в контексте процессов радикального реформирования в постсоветской России. Проводится сравнение процессов эволюционного и радикального изменения с целью идентификации либеральных преобразований 1990-х гг. По заключению автора понятие «реформы» не применимо к произошедшим изменениям, радикализм которых едва не привел к национальной катастрофе. В статье отмечается положительная роль мероприятий по укреплению властной вертикали 2000-е гг. как способа преодоления методов радикального реформирования.

Ключевые слова: социально-политические изменения, реформирование, радикализм, либерализм, процесс, преобразования.

A. Matiyukhin

*Moscow State Regional University;
Moscow Financial-Industrial University «Synergy»*

SOCIO-POLITICAL CHANGES IN POST-SOVIET RUSSIA: FEATURES OF RADICAL REFORMING

Abstract. The article studies socio-political changes in the post-Soviet Russia through the context of radical reforming processes. The article compares the processes of evolutionary reforming with the radical ones, aiming at the identification of liberal reforms of the 1990s. The author concludes that the notion of “reforming” is not suitable for those changes. It is stated that their radicalism could bring the country to the national catastrophe. Positive effect of measures taken on strengthening the Russian power vertical in the 2000s is noted as a way of overcoming radical reforming methods.

Keywords: Socio-political changes, reforming, radicalism, liberalism, process, transformations.

В постсоветских 1990-х гг. Россия пережила один из самых тяжелых этапов своей истории, сравнимый с периодом княжеских междоусобиц

¹ Статья отражает точку зрения автора и опубликована как приглашение к научной дискуссии о постсоветских социально-экономических и политических преобразованиях.

Киевской Руси и Смутным Временем начала XVII в. Причем, всем трем кризисам, несущим угрозу нации, предшествовали этапы относительного благополучия, стабильности, видимой «крепости» и державной мощи государства – периоды правления Владимира Мономаха, Ивана Грозного и последних генеральных секретарей ЦК КПСС.

В середине 1980-х гг. еще ничего не выдавало признаков общенационального кризиса, и тем более катастрофы, но постепенно нарастали элементы радикализма, традиционно связанные в России с утопическим мышлением и отрывом от реалий социокультурной и политической почвы.

Процессы социально-политических изменений в СССР в середине 1980-х гг., названные «Перестройкой», начались с популистских речей М.С. Горбачева о необходимости «совершенствования социализма». При этом, никакой целостной программы Перестройки, никакой стратегии нового общественно-политического развития и даже элементарного плана «обновления социализма» не существовало. Все проекты реформирования советского общества Горбачева были далеки от решения реальных задач и носили абстрактно-утопический характер: борьба с пьянством и алкоголизмом, введение «гласности», провозглашение решения жилищной проблемы к 2000 г., ускорение социально-экономического развития, реформы советской политической системы и т.д.). Неструктурированные перестроечные преобразования постепенно затронули все сферы жизни в СССР. По мнению современных исследователей, имея бессистемный, сумбурный характер, «перестройка закономерно обернулась неконтролируемыми, хаотическими процессами», ведущими к разрушительному для страны сценарию развития событий [2, с. 266].

Будущие социально-политические изменения в контексте процессов радикального реформирования 1990-х гг. были во многом predeterminedены царящими умонастроениями. «Жажда перемен» охватила тогда определенную часть советского общества, особенно интеллигенцию, которая стала главным носителем идей радикальных преобразований. Современный политолог С.Г. Кара-Мурза в середине 1990-х гг. приводил целый список революционных «ожиданий» социально-политических изменений советской интеллигенции времен Перестройки (которые, кстати, вполне сравнимы с состоянием общественного сознания на современной Украине, ожидающей превращения «были в сказку» в результате процессов евроинтеграции): «цель революции – дать свободу советскому человеку и установить демократический строй», «революция направлена на разрушение коммунистической системы и возрождение России», «революция призвана построить в России правовое государство», «революция имеет целью установление в России высоких норм нравственности», «революция означает переход к

более высоким интеллектуальным стандартам общественной жизни», «революция имеет целью создать взамен порочной плановой системы эффективную экономику», «революция приведет к расцвету русской культуры» [3, с. 249].

Однако все эти ожидания были продуктами традиционного для России интеллигентского радикал-утопизма, которые эффективно использовала рвущаяся к власти политическая элита во главе с Б.Н. Ельциным [6, с. 36]. С приходом к руководству страной команды Ельцина перестроечный радикализм закономерно перерос в радикально-рыночный либерализм.

В процессах реформирования постсоветского общества стал доминировать радикальный и глобалистский подход, связанный с механическим перенесением на российскую почву сугубо западных моделей развития [5, с. 42–43]. Под реформированием новая правящая элита понимала ускоренный процесс либерализации национальной политической и экономической системы и внедрение «западного образа жизни». Ставилась задача быстрого и одновременного перехода и к демократии западного образца в политике, и к тотально-рыночным отношениям в экономике. Как и во времена Перестройки, о какой-то продуманной, научно-обоснованной стратегии социально-политических изменений речи не шло. Более того подобная трактовка радикальных «реформ» противоречила самому западному опыту, на который постоянно ссылались члены «команды Ельцина». В Западной Европе становление рыночных механизмов шло веками, и лишь впоследствии европейские страны приступили к формированию институтов политической демократии.

Обязательна тщательная ревизия и самой трактовки понятия *реформа*, ставшего почти заклинанием в деятельности первого Президента России. Дело в том, что реформа – это способ эволюционной, а не революционной модели развития. В основе эволюционной модели лежат процессы «непрерываемости» истории народа, преемственности его общественно-политического развития, постепенность преобразований и прагматичность реформирования. Это то, что хорошо видно на примере современного Китая, где в процессах реформирования обязательно присутствуют элементы практического воплощения тактики продолжения самой логики национальной истории, а политическая и социально-экономическая жизнь народа перестраивается постепенно в соответствии с этой логикой. Сами реформы здесь не противопоставляются прошлому, а опираются на него, генетически вытекают из контекста уже существующих структур и традиций. Подобный процесс поступательных эволюционных политических и экономических изменений тесно связывается с культурно-самобытными началами китайского народа, так как подлинная самобытность реализуется только посредством саморазвития на основе своих уникальных, цивилиза-

ционных потенций и с опорой на собственные традиции, не нарушая органического процесса жизнедеятельности социума.

В отличие от революционного варианта, предполагающего коренной сдвиг, абсолютное разрушение основ старой системы и кардинальную перестройку политических и общественно-экономических структур, процесс эволюционного реформирования предусматривает постепенную замену определенных, единичных факторов общественной жизни другими единичными факторами при стабильном функционировании системы в целом. Результаты конкретных преобразований достигаются путем постоянного развития и реформирования традиционных структур и институтов, а не тогда, когда их строят заново. Сам процесс эволюционного реформирования нацеливается на совершенствование и обновление уже существующего «порядка вещей», без отказа от основополагающих принципов устройства и функционирования общества, традиционных ценностей и культурных норм. В этом случае, традиция не противостоит инновации, так как сами инновации выступают результатом действия механизма саморазвития, т.е. процессов функционирования, совершенствования и неразрушительной адаптации общественной системы к окружающему миру в ходе социально-политической и экономической эволюции. Инновации вводятся именно для обеспечения динамизма уже существующих структур, при сохранении стабильности. В политически-целесообразном реформировании отдается приоритет частным изменениям, а не системным, статусным реорганизациям, охватывающим целые сферы общественной и государственной жизни.

Таким образом, процесс эволюционного реформирования происходит, если он стратегически продуман, выверен до деталей. Цели любых социально-политических изменений достигаются тогда, когда они доступны, т.е. понятны всем, а результаты реформаторской деятельности должны стать ощутимыми для каждого члена общества, повлиять на улучшение условий его жизни.

В этой связи можно утверждать, что в 1990-х гг. имели место не реформы, а революционные преобразования, целью которых было «последней „кавалерийской атакой” <...> активно завершить процесс формирования в России либерального идеала западного типа» [4].

Подобную социально-политическую практику ряд российских авторов определяют как «либерально-рыночный большевизм», относя к его сущностным характеристикам следующее:

- игнорирование элитой интересов и нужд народа, провал социально-экономической политики и нежелание (или неспособность) принимать эффективные меры по повышению уровня жизни подавляющего большинства общества;

- полное разрушение прежних социальных отношений, отсутствие преемственности в политическом курсе;
- отчуждение широких масс населения от экономической, социально-политической и духовной жизни;
- утонченная социально-политическая демагогия, прикрываемая лозунгами демократии и свободы;
- социальная дифференциация и раскол общества;
- незащищенность гражданина от произвола власти, государственных структур; беззаконие и правовой нигилизм;
- проведение грабительской социальной, коммунальной, налоговой политики, ставящей целью «раздеть голого»;
- незаинтересованность элиты в развитии производства;
- отсутствие законодательной базы реформирования; «указное право»;
- игнорирование властью вопросов развития культуры и образования и т.п. [7, с. 374–376].

Социально-политическая и экономическая практика радикального реформирования в России 1990-х гг. развеяла многие перестроечные и постперестроечные «мифы». Вся парадигма «западных ценностей» устойчиво приобрела для российского общества характер абстракций и идеологических штампов на фоне политической и социально-экономической нестабильности, кризиса идентичности, дезинтеграции и регионализации, обострившихся социальных проблем, падения уровня жизни, безработицы, безденежья и т.д. Результаты форсированных социально-политических и экономических изменений по всем важнейшим направлениям развития обернулись своими антиподами – доиндустриальными тенденциями: падением производства в высокотехнологических отраслях, деградацией науки, культуры и образования.

Россия «по всем социальным и экономическим показателям оказалась отброшенной назад, обрела статус периферийной страны», квази-суверенного образования, живущего по предписанным западным моделям и обслуживающего интересы глобальной метрополии [4, с. 26].

Неудивительно, что результаты подобного радикального реформирования как своеобразного либерально-рыночного эксперимента в России многими политическими аналитиками классифицировались в таких терминах, как «криминальное государство», «национальная катастрофа», «культурная деградация» и т.п. Вот как оценивал в середине 1990-х гг. процесс и результаты подобного реформирования выдающийся российский политолог и социолог А. Зиновьев: «Возникло уголовно-мафиозное государство, совершенно не способное ни на какие созидательные свершения, но способное на беспрецедентное разрушение и разграбление того, что было

создано ценой труда и жертв сотен миллионов людей в ряде поколений. Оно довело до предела капитуляцию страны перед Западом. Оно планомерно и сознательно разрушило обороноспособность страны <...> В стране фактически исчезла всякая законность, расцвела преступность <...> Наступило неслыханное обнищание подавляющего большинства населения. Рухнула вся прежняя система духовных и моральных ценностей. Одним словом, сложилось состояние, которое раньше называли смутой, а теперь стали называть беспределом» [1, с. 285].

К началу 2000-х гг. российская государственность оказалась настолько ослаблена, что это создало угрозу внутреннего распада, и в конце концов – завершения национальной истории. Осознание этого пришло уже позже. Тот факт, что не случилось национальной катастрофы, многие склонны относить к иррациональному «русскому чуду». Но с точки зрения рационального анализа, главной причиной выживания и дальнейшего заметного усиления России в 2000-е гг. стали серьезные, порой экстренные, меры нового политического руководства страны во главе с В.В. Путиным. Они направленные на укрепление государственности, восстановление управляемости страной, контроль над базовыми отраслями российского производства, а в духовной сфере – на реанимацию «связи времен» единой российской истории. Результативность подобных мер стала возможной только вследствие отказа от идеологии и методов радикального реформирования 1990-х гг.

Литература:

1. *Зиновьев А.А.* Пост-коммунистическая Россия: Публицистика 1991–1995 гг. М.: Республика, 1996. 386 с.
2. История России / А.В. Матюхин, Ю.А. Давыдова, Р.Е. Азизбаева; под ред. А.В. Матюхина. М.: Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2016. 336 с.
3. *Кара-Мурза С.Г.* Интеллигенция на пепелище России. М.: Былина, 1997. 264 с.
4. *Матюхин А.В.* Экономикоцентризм в российском либеральном мышлении // *Обозреватель-Observer*. 2011. № 11. С. 22–29.
5. *Абрамов А.В.* Становление теории модернизации и альтернативные концепции общественного развития // *Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал)*. 2012. № 3. URL: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/212>.
6. *Муштук О.З.* Политический плюрализм и многопартийность на фоне отечественных реалий // *Общество. Власть. Политика: Сборник научных трудов кафедры политологии* / сост. О.З. Муштук. М.: Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2015. 216 с.
7. *Тонких В.А., Ярецкий Ю.Л.* История политической и правовой мысли России / под ред. доктора ист. наук В.И. Жукова. М.: Гуманит. издат. центр ВЛАДОС, 1999. 384 с.